

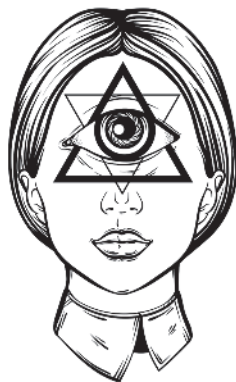
МАСТЕРА
МАГИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА

В серии
«Мастера магического реализма»

ВЫШЛИ:

БАРНС, Джонатан, и др. ГОЛОСА ЧЕРТОВСКИ ТОНКИ
БЛЭК, Холли. САМАЯ ТЕМНАЯ ЧАЩА
БЛЭК, Холли. ХОЛОДНЫЙ ГОРОД
ВАЛЕНТЕ, Кэтрин М. СКАЗКИ СИРОТЫ. В НОЧНОМ САДУ
ВАЛЕНТЕ, Кэтрин М. СКАЗКИ СИРОТЫ. ГОРОДА МОНЕТ И ПРЯ-
НОСТЕЙ
ГАЛИНА, Мария. АВТОХТОНЫ
ГЕЙМАН, Нил и др. ВСЕ НОВЫЕ СКАЗКИ
ГЕЙМАН, Нил и др. ЗЕЛЕНый РЫЦАРЬ
ГЕЙМАН, Нил и др. КУЛЬТ КТУЛХУ
ГЕЙМАН, Нил и др. СБОРЩИК ДУШ
ГЕЙМАН, Нил и др. СТРАШНЫЕ СКАЗКИ
ГЕЙМАН, Нил и др. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СОЗДАНИЯ
ГЕЙМАН, Нил. АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ
ГЕЙМАН, Нил. ДЫМ И ЗЕРКАЛА
ГЕЙМАН, Нил. ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ
ГЕЙМАН, Нил. НИКОГДЕ
ГЕЙМАН, Нил. ОКЕАН В КОНЦЕ ДОРОГИ
ГЕЙМАН, Нил. ОСТОРОЖНО, ТРИГГЕРЫ
ГЕЙМАН, Нил. СЫНОВЬЯ АНАНСИ
ГЕЙМАН, Нил. ХРУПКИЕ ВЕЩИ
ГЕЙМАН, Нил. СКАНДИНАВСКИЕ БОГИ
ГОВАРД, Роберт И. БЕЗЫМЯННЫЕ КУЛЬТЫ
ДЕ ЛИНТ, Чарльз. ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ
ДЕ ЛИНТ, Чарльз. ЗВЕРЛИНГИ. В ТЕНИ ДРУГОГО МИРА
ДЖОНСТОН, К. Э. СКАЗКИ ТЫСЯЧИ НОЧЕЙ
ЛАВКРАФТ, Говард Ф. ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ
ЛАВКРАФТ, Говард Ф. ЗОВ КТУЛХУ
ЛАВКРАФТ, Говард Ф. ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ
НИР, Эллис. СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК УАЙЛЬД
ПО, Эдгар А. и др. МИРЫ АРТУРА ГОРДОНА ПИМА
ПОЛЛОК, Том. СЫН ГОРОДА
ПОЛЛОК, Том. СТЕКЛЯННАЯ РЕСПУБЛИКА
СТОКЕР, Брэм. ДРАКУЛА
СТРИТ, Карен Ли. ЭДГАР АЛЛАН ПО И ЛОНДОНСКИЙ МОНСТР
ХОДЖСОН, Уильям Х. ДОМ В ПОРУБЕЖЬЕ

ДЖО
УОЛТОНЪ

СРЕДИ ДРУГИХ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)
У63

Серия «Мастера магического реализма»
Jo Walton
AMONG OTHERS

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов
Donald Maass Literary Agency (США) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского: *Галина Соловьева*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Татьяны Веряйской*

Уолтон, Джо
У63 Среди других / Джо Уолтон. — Москва: Издательство АСТ,
2018. — 350 с. (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-101987-7

Волшебство рядом. Стоит лишь приглядеться. Магия реальна. И Морвенна Фелпс знает об этом не понаслышке. Она победила в неравной битве свою безумную мать-колдунью, но потеряла родную сестру-близнеца. Сбежав к отцу, которого прежде Морвенна никогда не видела, она отправляется в школу-интернат, где от одиночества искушает судьбу и с помощью волшебства решает завести настоящих друзей. Своими действиями она привлекает внимание фейри, странных и чудесных созданий, но Морвенна еще не знает, что семья просто так ее не оставит, а волшебный мир может быть очень страшен.

Copyright © 2010 by Jo Walton
All rights reserved.

© Галина Соловьева, перевод, 2017
© Татьяна Веряйская, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Посвящается всем на свете библиотекам
и библиотекарям, которые изо дня в день сидят там,
одалживая людям книги.

Благодарности и примечания

Я хотела бы поблагодарить тетю Джейн, которая принимала как аксиому, что я буду взрослеть и писать, и ее дочь Сью, теперь Эшвелл, которая дала мне и «Хоббита», и трилогию «Земноморья» Ле Гуин. И еще я благодарна миссис Моррис, моей учительнице валлийского, которая тридцать лет волновалась за меня.

Мэри Лэйв и Патрик Нильсен ободряли меня, пока я писала эту книгу. Мои корреспонденты в Живом Журнале отлично снабжали меня нужными сведениями из самых разных областей, особенно Майк Скотт, без которого я бы не справилась. Не каждый научный консультант на полную ставку так расторопен и информирован. Еще раз спасибо, Майк.

Эммет О'Брайн, Саша Уолтон и, очень часто, Александра Уайтбин терпели меня, пока я писала. Элтер Рейсс купил мне лэптоп DOS, чтобы я могла сохранять написанное, а Джанетт М. Кегг раздобыла к нему аккумулятор. Мой сосед Рене Уоллинг нашел заглавие для этой книги. У меня лучшие из друзей. Серьезно.

Луиза Меллори, Кэролайн-Изабель Кэрон, Дэвид Дайер-Беннет, Фара Мендельсон, Эдуард Джеймс, Майк Скотт, Джанетт Кегг, Дэвид Голдфабр, Ривка Вальд, Шервуд Смит, Сильвия Рэйчел Хантер и Бет Микам прочитали законченную книгу и представили полезные комментарии. Лиз Горински и усердные сотрудники издательства «Тор» проделали большую работу, привлекая внимание к этому роману, и помогли ему встретиться с читателями.

Обычно советуют писать о том, что знаешь, но я нахожу, что писать о том, что знаешь, гораздо труднее, чем придумывать. Изучить историческую эпоху проще, чем собственную жизнь, и проще иметь дело с вещами, которые не давят на тебя эмоционально, на которые смотришь со стороны. Вот почему вы обнаружите, что валлийских долин не существует, под ними не залегают уголь и красные автобусы не бегают по ним вверх-вниз; что никогда не было года под номером 1979, не существует такого возраста, как пятнадцать лет, и такой планеты, как Земля. А вот феиры настоящие.

Эр' перрихис.

Урсула Ле Гуин. Резец небесный

Какой совет вы бы дали себе молодому и в каком возрасте? В любом от десяти до двадцати пяти. Будет лучше. Честно. На свете действительно есть люди, которые понравятся вам и которым понравитесь вы.

Фара Мендельсон, Живой Журнал, 23 мая 2008 года

Четверг, 1 мая 1975 года

Паллетный завод в Аберкумбое убил деревья на две мили вокруг. Мы это вымеряли до миллиметра. Он будто вырос из глубин ада: черное мрачное здание, пыхающее пламенем из труб, отражалось в темных прудах, смертоносных для любого зверя или птицы, рискнувших напиться из них. Запах не поддавался описанию. Проезжая его, мы всегда крепко-накрепко закрывали окна машины и старались не дышать, хотя дедушка говорил, что так долго не дышать никому не под силу, и был прав. Пахло там серой, самым адским из известных элементов, и кое-чем похуже, например безымянным раскаленным металлом и тухлыми яйцами.

Мы с сестрой называли его Мордором и без взрослых еще никогда туда не заходили. И хотя нам было уже

по десять лет, едва сойдя с автобуса и взглянув на него, мы схватились за руки.

Смеркалось, и чем ближе мы подходили к заводу, тем чернее и грознее он выглядел. Шесть труб пылали, четыре рыгали ядовитым дымом.

— Это, конечно, творение Врага, — пробормотала я. Мор не поддержала игру.

— Ты правда думаешь, что получится?

— Фейри не сомневались, — как можно увереннее сказала я.

— Понятно, но точно ли они разбираются в реальном мире?

— Их мир реальный, — возмутилась я, — просто по-другому. Под другим углом.

— Да.

— Да... — Она не сводила глаз с завода, зловеще выраставшего с каждым нашим шагом. — Только я не уверена, хорошо ли они понимают мир под обычным углом. А здесь точно обычный мир. Деревья засохли. Здесь на много миль ни одного фейри.

— Потому-то мы сюда и пришли, — напомнила я.

Мы уткнулись в проволочную изгородь: три ряда проволоки, верхний — колючей. С предупреждением: «Без пропуска не входить. Охраняется собаками».

— Здесь собаки? — спросила Мор. Она боялась собак, и они это чуяли. Самые милые собаки, охотно игравшие со мной, на нее дыбили шерсть. Моя мать говорила, что по этому признаку нас можно различить. И не ошибалась, только способ, как всегда у нее, был ужасно жестоким и не слишком практичным.

— Нет, — сказала я.

— Откуда ты знаешь?

— Мы так далеко забрались, потратили столько сил, если сейчас вернемся назад, все погибло. Кроме того, мы идем на подвиг, а от подвига нельзя отступить, потому что боишься собак. Не представляю, что бы сказали на это феири. Вспомни, с чем только не стались настоящие герои. — Я понимала, что это не поможет. И говоря, шурилась из-за сгущавшихся сумерек. Мор крепче вцепилась мне в руку. — И еще, собаки — это животные. Даже обученная сторожевая собака попробовала бы здешнюю воду и умерла бы. Будь здесь собаки, мы бы нашли у лужи хоть несколько собачьих трупов, а я их не видела. Блеф это все.

Мы проползли под проволокой, по очереди приподнимая ее друг для друга. Тихий пруд был как старый нечищенный мельхиор, а пламя из труб отражалось в нем неверными колеблющимися полосами. Ниже виднелись огоньки: вечерняя смена еще работала.

Растений там не было, даже засохших деревьев. Под ногами хрустела зола, я боялась подвернуть ногу на шлаковой крошке. И ничего живого, кроме нас. Звездочки окон на холме напротив казались до смешного недосягаемыми. Там жила одна девочка из нашей школы, мы у нее как-то гостили, так запах чувствовался даже в доме. Ее отец работал на заводе. Я задумалась, не там ли он сейчас.

На краю пруда мы остановились. Он был совсем неподвижным, хотя нормальная вода всегда хоть немного дрожит. Я нащупала в кармане волшебный цветок.

— Твой при тебе?

— Немножко помялся, — сказала сестра, выудив его. Я посмотрела. Мой тоже немножко помялся. Никогда наша затея не казалась мне такой ребяческой и

глупой, как посреди пустыни у мертвого пруда, с помятыми лютиками, которые, по словам эльфов, должны были прикончить завод.

Я не знала, что сказать.

— Ну: ан, дай, трай! — сказала я, и на счет «три» мы кинули цветы в свинцовый пруд. Они канули в воду, не оставив даже ряби. И ничего не случилось. Потом вдалеке залаяла собака, Мор развернулась и кинулась бежать, и я, повернувшись, поспешила за ней.

— Ничего не вышло, — сказала она, когда мы вернулись на дорогу — вчетверо быстрее, чем добирались с дороги к пруду.

— А ты чего ждала? — спросила я.

— Что завод рухнет и превратится в святилище, — сказала она самым будничным тоном. — Ну, или хуорнов.

Я до хуорнов не додумалась и ужасно об этом пожалела.

— А я думала, цветы растают, от них пойдет рябь, и потом все станет рушиться, а руины прямо на глазах покроются деревьями и плющом, и пруд обернется живой водой, и из него с песнями вылетят птицы, и тогда появятся эльфы, поблагодарят нас и уведут во дворец.

— Но ничего не вышло, — вздохнула сестра. — Завтра придется им сказать, что не сбылось. Ну что, домой пешком пойдем или подождем автобуса?

Но все сбылось. На следующий день абердэрский «Лидер» вышел с передовицей: «Паллетный завод закрывается: тысячи человек лишились работы».

Я начала с этого места, потому что тут все кратко, точно и внятно, а с остальным не так просто.

Считайте это мемуарами. Считайте, что это мемуары из тех, которым в будущем грозят ужасающие разоблачения, когда обнаружится, что автор лгал и все были не того цвета, пола, класса и вероисповедания, как он утверждал. У меня проблема противоположного свойства. Я всеми силами сопротивляюсь самому обыденному тону изложения. С вымыслом все в порядке. Вымысел позволяет отбирать и упрощать материал. Этот рассказ не легкий и не простой. Но в нем говорится о фейри, так что вы вольны считать его сказкой. Все равно вы вряд ли мне поверите.

Очень личное.

Это НЕ книга для внеклассного чтения!

*Et haec, olim, meminisse iuvabit!*¹

Вергилий. Энеида

Среда, 5 сентября 1979 года

— А как тебе будет хорошо в деревне! — твердили они. — После, как бы сказать, такого индустриального района. Школа там прямо в поле, и еще коровы, трава и здоровый воздух.

Они хотели от меня отделаться. Отправить в интернат, чтобы и дальше делать вид, будто меня не существует. Они никогда не смотрели прямо на меня. Либо глядели мимо, либо вроде как шурились. Я была не из тех родственников, с кем бы они стали водиться, будь у них выбор. *Он*, может, и смотрел иногда — не знаю. Я не могла взглянуть прямо на него. Делала это украд-

¹ И это когда-нибудь будет приятно вспомнить! (*Лат.*)

кой, вбирая его: бороду, цвет волос. Походил ли он на меня? Не берусь сказать.

Старших сестер у него было три штуки. Я видела фотографию, где они намного моложе, но лица точь-в-точь такие же, а одеты все подружками невесты, и моя тетушка Тэг рядом с ними выглядела смуглой как ягода. Моя мать тоже была на снимке в ужасном розовом свадебном платье — розовом потому, что это было в декабре, а в июне уже родились мы, и она хоть немного стыдилась — но *его* там не было. Его она оторвала. Его она вырвала, вырезала или выжгла со всех свадебных фотографий, после того как он сбежал. Я никогда не видела его снимков, ни единого. В книжке Люси Монтгомери «Джейн с маяка» девочка, у которой родители развелись, сама того не ведая, узнает отца по фото в газете. Прочитав эту книгу, мы пересмотрели немало фотографий, но ни одна на нас не подействовала. Честно говоря, мы нечасто *о нем* задумывались.

Даже оказавшись в его доме, я не слишком поверила, что он настоящий — он и три его властные сводные сестры, велевшие мне называть их тетями. «Никаких „тетушек“, — сказали они. — Тетушка — это просто речие». И я стала звать их тетями. Звали их Антея, Доротея и Фредерика, я это знала, как знала многое, хоть и не все было правдой. Рассказам матери нельзя доверять без проверки. Но не все можно проверить по книгам. И все равно имена были мне без толку, потому что я их не различала, так что называла каждую просто «тетя». А они обращались ко мне «Морвенна» — очень официально.

— Арлингхерст — одна из лучших в стране школ для девочек, — сказала одна из них.

— Мы все в нее ходили, — подхватила другая.

— Самые веселые времена, — закончила третья. Они, как видно, привыкли размазывать любую фразу на всех.

Я стояла перед холодным камином, выглядывая из-под челки и опираясь на трость. Трости они тоже предпочитали не замечать. Я заметила на их лицах жалость, когда впервые вышла из машины. Такого я терпеть не могла. Мне хотелось бы сесть, но говорить об этом я не собиралась. Я теперь намного лучше держалась на ногах. И собиралась поправиться, что бы ни считали врачи. Мне иногда так хотелось пробежаться, что ныло все тело — сильнее, чем больная нога.

Чтобы отвлечься, я отвернулась и стала разглядывать камин. Он был мраморный, очень вычурный, с медными накладками в виде березовых веток. Все там было очень чисто, но не слишком уютно.

— Так что мы сегодня же купим тебе в Шрусбери форму и завтра отвезем туда, — сказали они. Завтра... Им и впрямь не терпелось от меня отделаться — вместе с моим отвратительным валлийским акцентом, и хромотой и, что хуже всего, с моим нежелательным существованием. Мне тоже не хотелось у них оставаться, беда в том, что больше деваться мне было некуда. До шестнадцати лет не разрешается жить одной. Это я выяснила в Приюте. А *он* — мой отец, хоть я его раньше никогда и не видела. В том же смысле, в каком эти женщины — мои тетки. От этого мне было одиноко и бездомно, как никогда. Я скучала по настоящим родным, которые меня подвели.

Остаток дня заняли покупки с тремя тетями, но без *него*. Не знаю, радовалась я этому или жалела. Форма для Арлингхерста продавалась в особых магазинах, как и форма для моей начальной школы. Как мы гордились, сдав экзамен на переход в среднюю! Нас называли «сливками долины». Теперь всему этому конец, а меня запихивают в какой-то интернат для снобов с ненормальными правилами. У одной тети был список, мы все по нему покупали. Денег они определенно не жалели. Никогда еще на меня так много не тратили. Жаль, что все покупки были такие жуткие. В том числе особая форма для спортивных игр. Я не сказала, что она мне вряд ли пригодится. Этой мысли я избегала. Все детство мы пробегали. Мы выигрывали кроссы. На школьных кроссах мы большей частью соревновались друг с другом, оставив остальных далеко позади. Дедушка даже говорил про Олимпийские игры — просто так мечтал, но вслух. Он сказал, что ни разу еще на Олимпиадах не выступали близнецы.

С обувью вышла проблема. Я позволила им купить хоккейные ботинки, беговые туфли и чешки для гимнастики, потому что их я либо смогу надеть, либо уж нет. Но когда дошло до форменной обуви на каждый день, пришлось теток остановить.

— Я ношу специальную обувь, — сказала я, не глядя на них. — С особой стелькой. Ее надо делать у ортопедов. Просто купить нельзя.

Продавщица подтвердила, что в школьном отделе таких не купить. Она показала нам школьные туфли. Уродливые, почти такие же неуклюжие, как носила я.

— А в этих ты ходить не сможешь? — спросила одна тетя.

Я взяла школьные туфли и осмотрела.

— Нет. — Я перевернула туфлю. — Смотрите, у них каблук.

Спорить не приходилось, хотя школа, вероятно, выбрала самый малый каблук, на который согласилась бы уважающая себя девочка-подросток.

Они не нарочно унижали меня, цокая языками над моими туфлями, надо мной и моей сделанной по особому заказу стелькой. Пришлось им напомнить, что торчу рядом как столб, с кривоватой от боли полуулыбкой на лице. Им хотелось спросить, что у меня с ногой, но я их переглядела, и они не решились. Сдались и сказали, что насчет туфель в школе наверняка поймут.

— Мои туфли ведь не какие-нибудь красные и гламурные, — заметила я.

И напрасно, потому что все они уставились на мои туфли. Туфли для калек. У женщин-калек имелся выбор между коричневыми и черными, и эти были черные. И деревянная трость. Она принадлежала дедушке, еще живому, который лежал в больнице и пытался поправиться. Если он выздоровеет, я смогу вернуться домой. Маловероятно, если подумать, но больше мне надеяться было не на что. Деревянный брелок для ключей болтался на молнии моего джемпера. Обрезок дерева с корой из Пемброкшира. Он остался у меня с прежних времен. Я его потрогала, чтобы ощутить под пальцами дерево, и поймала на себе их взгляды. И увидела то, что видели они: забавная, чуточку ершистая увечная девчонка с невзрачным обрезком деревяшки. А следовало бы увидеть двоих светящихся верой в себя детей. Я знала, что происходит, а они нет и ни за что бы не поняли.